

Е. Д. Николаева

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

E-mail: evdokiyageo@yandex.ru

ОПЫТ ОЦЕНКИ ИЗМЕНЕНИЯ МЕТАЭТНИЧЕСКОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С 1970 ПО 1989 ГОДЫ

В настоящее время наблюдается интерес к анализу этнодемографической ситуации в странах Центральной Азии. Менее изучены этнодемографические процессы в этом макрорегионе в позднесоветский период. Целью исследования является оценка изменения неоднородности структуры населения по двум крупным метаэтническим группам (коренное и некоренное население) в регионах Центральной Азии в межпереписные периоды с 1970 по 1979 гг. и с 1979 по 1989 гг. На основе величины модифицированного индекса метаэтнической неоднородности были выделены: гомогенные в метаэтническом плане территории с доминированием коренного населения (на юге макрорегиона); неярко и ярко выраженные контактные зоны (в южной части Центральной Азии с перевесом коренного населения, в северной — с перевесом некоренного населения); наиболее ярко выраженные контактные зоны (пояс областей, разделяющий контрастные в метаэтническом плане северную и южную части макрорегиона). В период с 1970 по 1979 гг. в южной части Центральной Азии преобладало растворение контактных зон в пользу коренного населения, в северной части росла метаэтническая контактность по мере увеличения доли коренных народов. С 1979 по 1989 гг. на юго-востоке макрорегиона обозначился крупный массив гомогенных в метаэтническом плане территорий, в средней части увеличилось количество регионов, перешедших к растворению контактных зон в пользу коренного населения. К 1989 г. осталось лишь несколько областей на севере Казахстана, где сохранялся перевес в пользу некоренного населения.

Ключевые слова: этнодемографические процессы, метаэтнические группы, коренные народы, некоренное население, контактные зоны.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность».

Для цитирования: Николаева Е. Д. Опыт оценки изменения метаэтнической неоднородности территорий Центральной Азии с 1970 по 1989 годы // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 3. С. 69–85. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310031656-4>.

E. D. Nikolaeva

Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: evdokiya@yandex.ru

EXPERIENCE OF ASSESSING CHANGES IN METETHNIC HETEROGENEITY OF CENTRAL ASIA TERRITORIES FROM 1970 TO 1989

Currently, there is interest in analyzing the ethno-demographic situation in the countries of Central Asia. Ethno-demographic processes in this macroregion in the late Soviet period have been less studied. The purpose of the study is to assess changes in the heterogeneity of the population structure for two large meta-ethnic groups (indigenous and non-indigenous population) in the regions of Central Asia during the intercensal periods from 1970 to 1979 and from 1979 to 1989. Based on the value of the modified index of meta-ethnic heterogeneity, the following were identified: territories that are homogeneous in meta-ethnic terms and dominated by the indigenous population (in the south of the macroregion); dimly and clearly defined contact zones (in the southern part of Central Asia with a preponderance of the indigenous population, in the northern part with a preponderance of the non-indigenous population); the most clearly defined contact zones (a belt of regions separating the meta-ethnically contrasting northern and southern parts of the macroregion). Between 1970 and 1979 in the southern part of Central Asia, the dissolution of contact zones in favor of the indigenous population prevailed; in the northern part, meta-ethnic contact grew as the proportion of indigenous peoples increased. From 1979 to 1989 in the southeast of the macroregion, a large array of meta-ethnically homogeneous territories emerged; in the middle part, the number of regions that moved to the dissolution of contact zones in favor of the indigenous population increased. By 1989, there were only a few regions left in the north of Kazakhstan, where the predominance remained in favor of the non-indigenous population.

Keywords: *ethno-demographic processes, meta-ethnic groups, indigenous peoples, non-indigenous populations, contact zones.*

Acknowledgments. *The study was supported by the Russian Science Foundation within project No. 23-17-00005 “Ethnic contact zones in the post-Soviet space: genesis, typology, conflict potential”.*

For citation: Nikolaeva E. D. (2024), Experience of assessing changes in metethnic heterogeneity of Central Asia territories from 1970 to 1989, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 20, no. 3, pp. 69–85. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310031656-4>.

Введение. В настоящее время этнодемографической ситуации в странах Центральной Азии (Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане) посвящено достаточно много публикаций. При этом большое внимание уделяется динамике русского населения, как во всём данном макрорегионе постсоветского пространства [15; 28], так и в отдельных республиках, в частности, в Казахстане [14;

26] и Узбекистане [13; 23]. Но имеются и исследования, где рассматриваются изменения в постсоветский период этнической географии стран Центральной Азии [22; 24; 27], при этом используется такой инструмент изучения этнической неоднородности населения регионов республик, как индекс этнической мозаичности, применённый, например, на территории Казахстана [17; 18].

Что же касается временного интервала между Всесоюзными переписями населения 1970 и 1989 гг., то ему уделено гораздо меньше внимания, чем постсоветскому периоду. Обычно этнодемографические процессы в позднесоветское время рассматриваются как часть этнической динамики за весь советский период, или же в целом за XX — начало XXI вв. [7; 30]. При этом трансформация этнической структуры населения связывается с процессами естественного движения [1] и миграциями населения [5], а также рассматривается её влияние на языковую ситуацию [12].

Также нужно отметить работу, где изучение этнодемографической динамики на территории Казахстана и республик Средней Азии как раз охватывает интервал между переписями 1970 и 1989 гг. [11]. Однако, во-первых, в ней нет разбивки периода исследования на два межпереписных интервала — с 1970 по 1979 гг. и с 1979 по 1989 гг. Во-вторых, это исследование выполнено в рамках концепции геоэтнокультурных систем, разработанной С. Я. Суцим и А. Г. Дружининым [16]. Наше исследование ориентировано на изучение этнической динамики с позиции концепции этноконтрастных зон, которые рассматриваются в качестве компонента территориальной структуры этнического пространства Центральной Азии. При этом используются методические приёмы, позволяющие проследить изменения этнической неоднородности территорий на метаэтническом уровне (коренное/некоренное население).

Целью исследования является оценка изменения неоднородности структуры населения на метаэтническом уровне (коренное/некоренное население) по административно-территориальным единицам Казахстана и республик Средней Азии в межпереписные периоды с 1970 по 1979 гг. и с 1979 по 1989 гг.

В качестве **информационной базы** статьи выступают итоги Всесоюзных переписей населения 1970, 1979 и 1989 гг. на уровне административных единиц Казахстана и республик Средней Азии, представленные на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR¹.

Методика исследования. Исследование опирается на имеющиеся в данный момент наработки в рамках концепции этноконтрастных зон (ЭКЗ). Основным показателем, используемым в данной концепции для выделения ЭКЗ, оценки степени их выраженности, а также определения фаз и стадий развития ЭКЗ, является индекс этнической мозаичности (ИЭМ) [10]. Другие названия этого показателя — индекс этнической неоднородности [2; 3], или же, в зарубежной науке, — индекс этнической фракционализации [25]. ИЭМ для двухкомпонентных этнических систем (т. е. двуэтнических ЭКЗ) Н. К. Теренина предложила обозначать как индекс этнической контрастности (ИЭК) [19].

¹ Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 29.06.2024).

Методика изучения динамики ЭКЗ пока что более разработана именно для двухкомпонентных этнических систем, для чего рассчитывается разность между ИЭК за разные годы, на основании чего делается вывод о фазе и стадии развития ЭКЗ в прошедший временной интервал. Но двуэтничные ЭКЗ встречаются редко, и потому было предложено рассматривать в качестве двух компонентов ЭКЗ метаэтнические группы, выделенные на основе какого-либо из признаков. Так, например, в качестве этих компонентов рассматриваются такие дихотомии, как русское и нерусское население [9], коренные и некоренные народы [20], титульное и нетитульное население национальных республик [29], или же, в конфессиональных контактных зонах — христианское и нехристианское население [6], восточные христиане и мусульмане [21].

Соответственно, меняется название показателя, который служит для оценки степени неоднородности структуры этнических или конфессиональных контактных зон, например, в работе Н. К. Терениной и Р. Н. Кроток [21] — это индекс контактности восточных христиан и мусульман, а в статье А. Г. Манакова [8], где изучаются контактные зоны Азиатской России между двумя основными метаэтническими сообществами (коренными азиатскими народами и населением, пришедшем из европейской части страны) — индекс метаэтнокультурной неоднородности.

В нашем исследовании, в котором в качестве двух основных метаэтнических групп рассматривается коренное и некоренное население Центральноазиатского макрорегиона, используется такой вариант названия показателя — индекс метаэтнической неоднородности. Однако в статье апробируется модифицированный вариант этого показателя в соответствии с предложением С. А. Горохова [4] учесть в формуле показателя количество представленных в регионе этнических или конфессиональных групп. Применительно к двухкомпонентным этническим системам величина модифицированного индекса метаэтнической неоднородности (МИМЭН) рассчитывается путём удвоения величины ИЭК.

Формула для расчёта МИМЭН следующая: $МИМЭН = 4 \times P_1 \times P_2$, где P_1 — доля (от единицы) коренного населения региона исследования, а P_2 — доля некоренного населения. К коренному населению Центральной Азии отнесены титульные народы всех государств макрорегиона (казахи, киргизы, узбеки, туркмены и таджики), а также каракалпаки, имеющие свою республику в составе Узбекистана, и уйгуры, достаточно многочисленный народ Казахстана и Кыргызстана.

В связи с введением модифицированного варианта индекса мозаичности встаёт задача уточнения шкалы индекса, которая позволила бы выделять ЭКЗ (в данном случае — контактные зоны метаэтнического уровня) разной степени выраженности. С. А. Горохов [4] предлагает такие значения модифицированного индекса, изменяемого в целом от 0 до 1, для выделения территорий с разной степенью этнической или конфессиональной гомогенности/гетерогенности: 0,280; 0,556 и 0,820. В соответствии с этими тремя значениями модифицированного индекса территории разделены на четыре категории: 1) крайне гомогенные (от 0 до 0,28); 2) относительно гомогенные (от 0,281 до 0,556); 3) относительно гетерогенные (от 0,557 до 0,82); 4) крайне гомогенные (от 0,821 до 1) [4, с. 106].

Эти значения МИМЭН соответствуют доле коренного (или некоренного) населения: 7,6 %, 16,7 %, 28,8 % и 50 %, а далее 71,2 %, 83,3 % и 92,4 %. Однако это несколько расходится со значениями индекса мозаичности, используемыми для выделения и определения степени выраженности ЭКЗ в рамках одноимённой концепции. Так, разработчики данной концепции предлагают использовать в качестве критерия моноэтничности территорий долю в населении свыше 90 % представителей доминирующего этноса. Другие отсеки предлагается делать исходя из долей примерно 75 % (три четверти населения) и 66 % (две трети населения) и 50 % (половина населения). Близкими к этим значениям доли доминирующего этноса является величина ИЭМ, равная 0,2, 0,4 и 0,6. В соответствии с этими значениями ИЭМ, авторы концепции ЭКЗ выделяют: 1) моноэтничные территории (ИЭМ менее 0,2); 2) неярко выраженные ЭКЗ (ИЭМ от 0,2 до 0,4); 3) ярко выраженные ЭКЗ (ИЭМ от 0,4 до 0,6); 4) наиболее ярко выраженные ЭКЗ или полиэтничные территории (ИЭМ свыше 0,6).

Но в случае расчёта модифицированного индекса мозаичности предложенная разработчиками концепции ЭКЗ градация территорий по величине показателя должна быть скорректирована. В данной статье апробируется градация, предложенная С. А. Гороховым [4], однако названия категорий предложены иные, соответствующие концепции ЭКЗ. Территорию с величиной МИМЭН менее 0,28 предлагается обозначать как гомогенную в метаэтническом отношении. Далее можно говорить о контактных зонах метаэтнического уровня: 1) неярко выраженных (при величине МИМЭН от 0,28 до 0,556); 2) ярко выраженных (МИМЭН от 0,557 до 0,82); 3) наиболее ярко выраженных (МИМЭН от 0,821 до 1).

Важной составляющей разрабатываемой концепции ЭКЗ является выделение фаз и стадий развития ЭКЗ в зависимости от динамики индекса мозаичности и доли представителей крупнейших этнических или конфессиональных групп за определённый временной интервал. Так, Н. К. Теренина [19] предлагает выделять четыре основные фазы (правильнее, стадии) развития двухкомпонентной ЭКЗ: 1) «начальная фаза (появление представителей этноса *B* в моноэтничном регионе, в котором доминирует этнос *A*); 2) фаза роста (увеличение в регионе удельного веса этноса *B* и снижение доли этноса *A*, формирование ярко выраженной ЭКЗ); 3) начало растворения ЭКЗ (нарастание моноэтничности, но уже с перевесом этноса *B*); 4) фаза растворения ЭКЗ (возвращение к моноэтничности региона, в котором доминирующим стал этнос *B*, завершение этнической замены)» [19, с. 742].

В дальнейшем, при изучении развития зон контакта русских с коренными народами Урало-Поволжья в XIX в. [20], было обозначено только две фазы развития ЭКЗ («роста» и «растворения»), которые делятся на обозначенные выше четыре стадии. В той же статье, в зависимости от динамики доли русских или коренных народов Урало-Поволжья, было предложено выделять две «волны» развития ЭКЗ — «коренизации» и «декоренизации». Данный приём использован и в нашем исследовании. Но, с учётом изменения градации модифицированного индекса мозаичности, предложено добавить в каждой из фаз ещё по одной стадии, и в итоге выделять шесть стадий развития ЭКЗ (рис. 1).

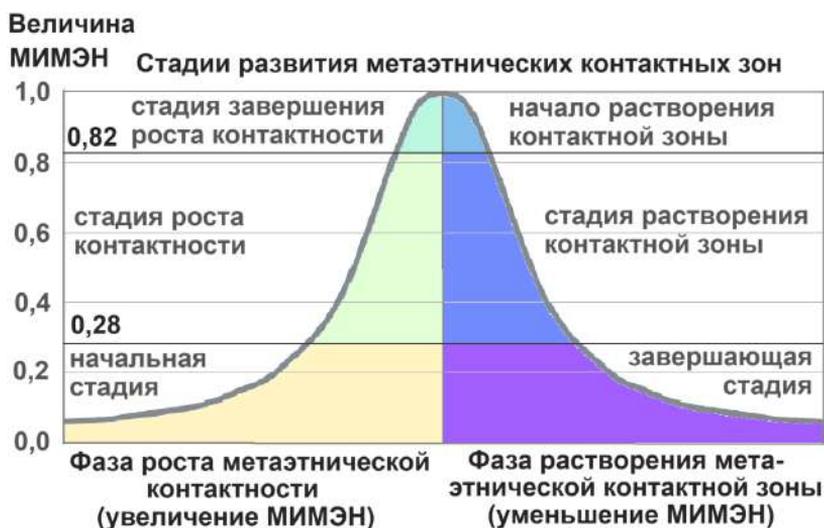

Рис. 1. Фазы и стадии развития контактных зон метаэтнического уровня на основании изменения величины модифицированного индекса метаэтнической неоднородности (МИМЭН)

Fig. 1. Phases and stages of development of contact zones at the meta-ethnic level based on changes in the value of the modified index of meta-ethnic heterogeneity

Это стадии: 1) начальная, или «нулевая» (рост МИМЭН до 0,28); 2) роста метаэтнической контактности (увеличение МИМЭН от 0,28 до 0,82); 3) завершения роста метаэтнической контактности (приближение МИМЭН к максимуму, т. е. рост от 0,82 до 1); 4) начало растворения контактной зоны (уменьшение МИМЭН от 1 до 0,82); 5) растворение контактной зоны (падение МИМЭН от 0,82 до 0,28); 6) завершающая, т. е. стадия полного растворения контактной зоны, переход к территории, гомогенной в метаэтническом плане (с величиной МИМЭН менее 0,28). Выделение двух дополнительных стадий развития ЭКЗ на ступени их наиболее яркой выраженности позволяет проследить, какие территории подошли вплотную к переломному моменту в развитии ЭКЗ, т. е. к смене фаз развития, переходе от роста контактности к растворению ЭКЗ, и какие территории, испытавшие фазовый переход, пока ещё не перешли в полной мере к растворению ЭКЗ.

Результаты исследования. В межпереписной период с 1970 по 1979 гг. численность населения всего макрорегиона выросла с 32,8 млн чел. до 40,2 млн чел., т. е. на 22,5 %. При этом численность коренного населения увеличилась на 32,3 %, а некоренного — на 8,2 % (в т. ч. русского — на 9,5 %). То есть в целом рост коренного населения Казахстана и Средней Азии в это период был выше, чем некоренного, и потому доля коренных жителей макрорегиона выросла с 59,1 % до 63,9 %, т. е. на 4,8 %. Соответственно, во всём макрорегионе произошло снижение МИМЭН (с 0,967 до 0,923), что свидетельствовало о стадии начала растворения контактной зоны метаэтнического уровня в пользу коренного населения.

В начале данного периода, т. е. в 1970 г., макрорегион делился примерно поровну по перевесу в населении административно-территориальных единиц коренного или некоренного населения (рис. 2).

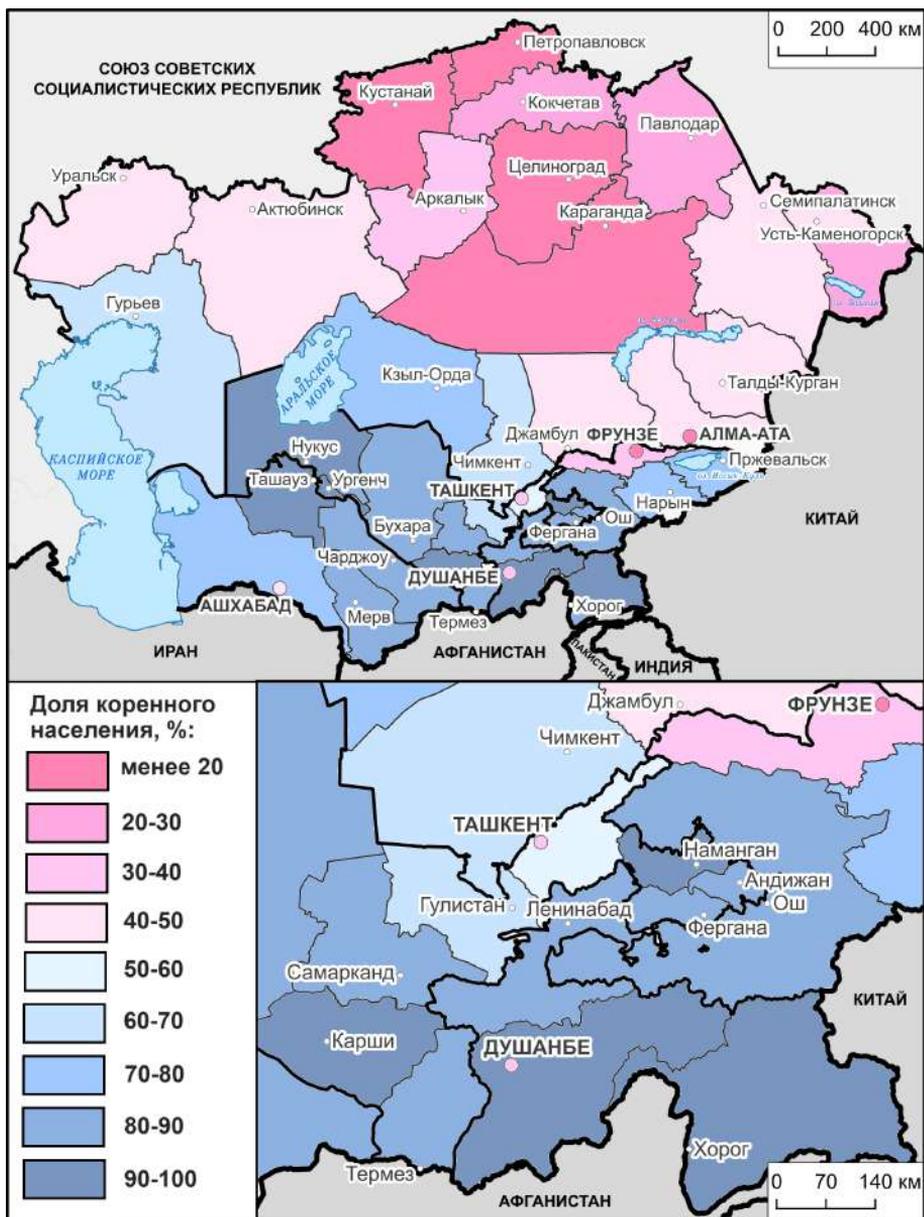

Рис. 2. Доля коренного населения в административно-территориальных единицах Казахстана и Средней Азии по итогам переписи 1970 г.

Fig. 2. The share of the indigenous population in the administrative-territorial units of Kazakhstan and Central Asia according to the results of the 1970 census

На большей части территории Казахстана (особенно в его северных областях) преобладало некоренное население, в южной части макрорегиона (во всех четырёх республиках Средней Азии) — коренное население. В Казахстане доля коренного населения была выше только в трёх южных областях — Гурьевской, Кзыл-Ординской и Чимкентской. В республиках Средней Азии доля некоренного населения превышала 50 % во всех столицах, а также в северной части Киргизии.

Наиболее высока доля коренного населения была в Таджикистане, Узбекистане (исключая столицы и соседние с ними территории) и на севере Туркмении. Именно в этих республиках оформилось два массива (западный к югу от Аральского моря и восточный в горной части Таджикистана) с наиболее низкими значениями МИМЭН, соответствующими гомогенным в метаэтническом плане территориям (рис. 3). Их связывали территории с более высокими значениями МИМЭН, которые можно обозначить как неярко и ярко выраженные контактные зоны метаэтнического уровня.

Этот массив окружался с запада и севера поясом территорий с самыми высокими значениями МИМЭН, т. е. наиболее ярко выраженными контактными зонами метаэтнического уровня. Далее к северу величина МИМЭН опять же снижалась, и северную часть Казахстана можно было отнести к ярко выраженным и неярко выраженным (Кустанайская и Северо-Казахстанская области) метаэтническим контактными зонам. Но, в отличие от южного аналогичного массива, здесь уже преобладало некоренное население, что, однако, не позволяет определить картограмма, построенная только на основе величины индекса.

Чтобы на картограммах с величиной МИМЭН проследить перевес коренного или некоренного населения, можно воспользоваться методическим приёмом, суть которого изложена в работах [8; 9; 29], где предлагается совместить эти две характеристики на одной картограмме. При этом перевес коренного или некоренного населения обозначается разными цветами, но разной интенсивности в зависимости от величины индекса — чем ярче, тем ниже величина показателя, т. е. более гомогенной в метаэтническом плане является территория. Таким образом, интенсивность окраски является прямо противоположной той, которая используется на картограммах с традиционным отображением индекса мозаичности, где более яркой является окраска гетерогенных территорий, т. е. с высокими значениями показателя.

Картограммы с величиной МИМЭН и одновременным отображением перевеса коренного и некоренного населения Казахстана и республик Средней Азии по итогам переписей населения 1970 и 1989 гг. представлены на рисунке 4. На картограммах хорошо видно, как между переписями 1970 и 1989 гг. сократилась территория с перевесом некоренного населения на севере макрорегиона, а также расширилась гомогенная в метаэтническом плане территория (с доминированием коренного населения) в южной части макрорегиона.

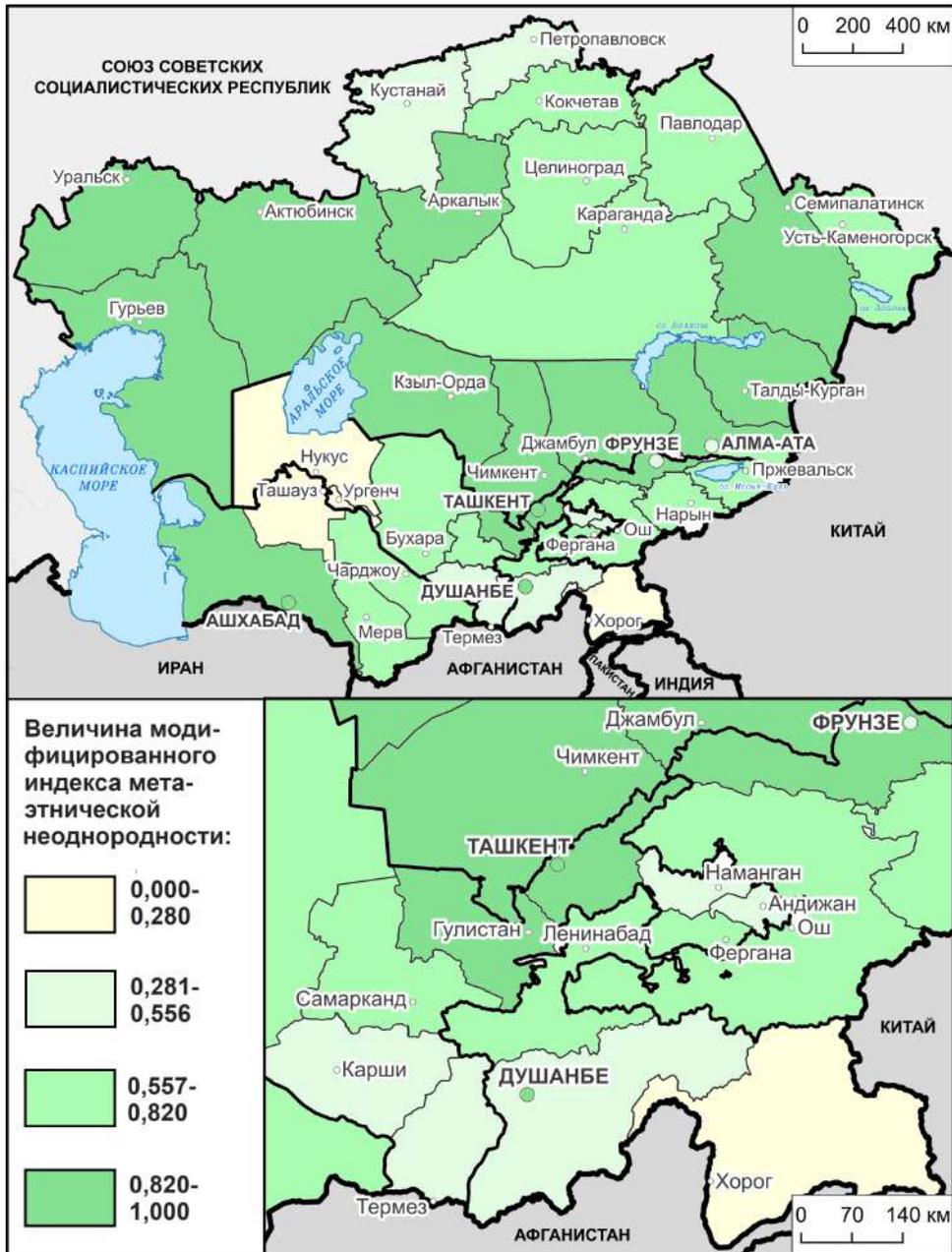

Рис. 3. Величина модифицированного индекса метаэтнической неоднородности в административно-территориальных единицах Казахстана и Средней Азии по итогам переписи 1970 г.

Fig. 3. The value of the modified index of meta-ethnic heterogeneity in the administrative-territorial units of Kazakhstan and Central Asia based on the results of the 1970 census

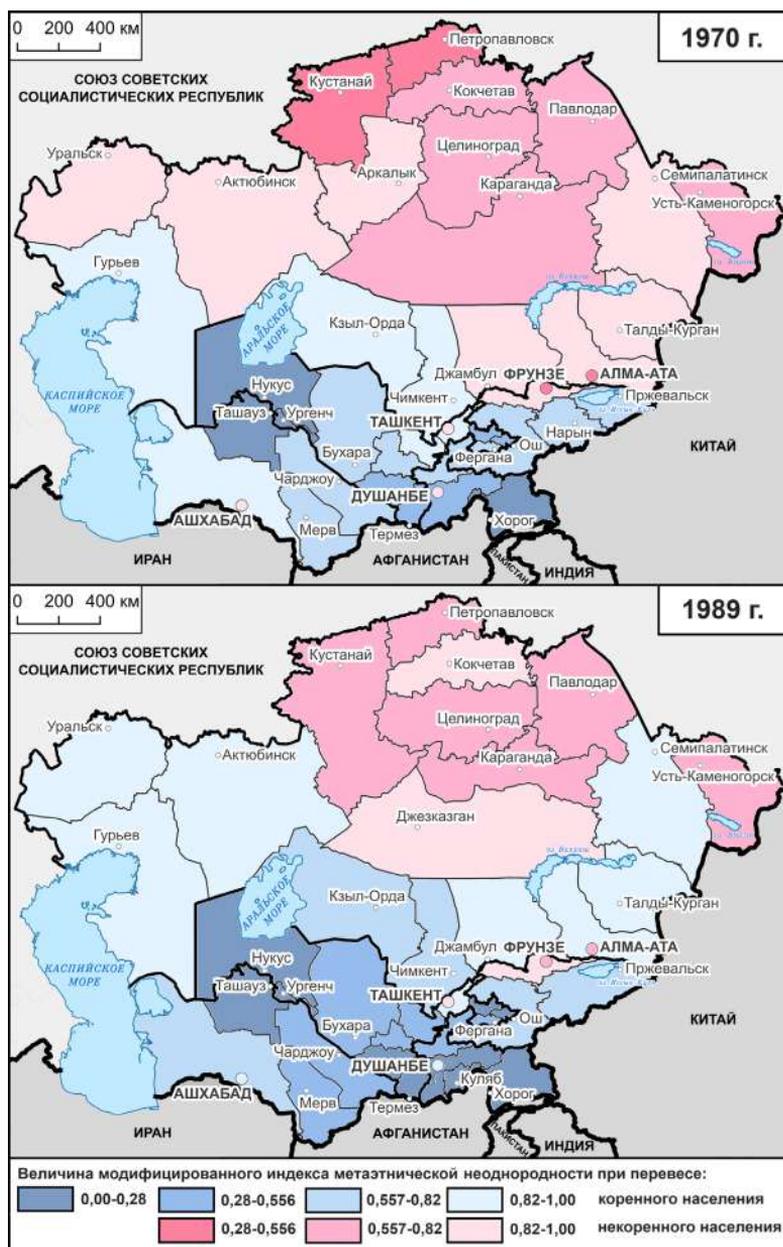

Рис. 4. Величина модифицированного индекса метаэтнической неоднородности и перевес коренного и некоренного населения в административно-территориальных единицах Казахстана и Средней Азии по итогам переписей 1970 и 1989 гг. (в границах соответствующих лет)

Fig. 4. The value of the modified index of meta-ethnic heterogeneity and the preponderance of the indigenous and non-indigenous population in the administrative-territorial units of Kazakhstan and Central Asia based on the results of the 1970 and 1989 censuses (within the corresponding years)

В период между переписями населения 1979 и 1989 гг. продолжился быстрый рост численности населения Казахстана и республик Средней Азии. В этот временной интервал численность населения макрорегиона выросла с 40,2 до 49,1 млн чел., или на 22,4 %. При этом численность коренного населения увеличилась на 32,6 %, а некоренного — на 4,2 % (в т. ч. русского — на 2,2 %). Также продолжалось падение величины МИМЭН, его величина в 1989 г. составила 0,852, т. е. пока ещё превышала 0,82, но был близок переход ко второй стадии растворения контактной зоны метаэтнического уровня.

По динамике МИМЭН, а также изменению удельного веса коренного и некоренного населения, была разработана классификация административно-территориальных единиц Казахстана и республик Средней Азии по стадиям развития контактных зон метаэтнического уровня в межпереписные периоды с 1970 по 1979 гг. и с 1979 по 1989 гг. (рис. 5).

Подавляющее большинство административно-территориальных единиц макрорегиона в оба межпереписных периода находилось на «волне» коренизации населения. Исключение составили Марыйская область в Туркмении (в 1970-е гг.) и Горно-Бадахшанская автономная область в Таджикистане, где был небольшой рост некоренного населения. Но для этих регионов это была начальная («нулевая») стадия роста метаэтнической контактности, т. к. там доминировало коренное население.

В 1980-е гг. увеличилось количество регионов, завершающих растворение контактных зон в пользу коренного населения, т. е. переходящих в категорию гомогенных территорий в метаэтническом плане. Новый массив таких регионов образовался на юго-востоке макрорегиона, на стыке границ Узбекистана и Таджикистана, а также в Ферганской долине, т. е. на границе Таджикистана с Киргизией. Расширилась территория, переживающая основную стадию растворения контактных зон в пользу коренного населения, охватившая большинство регионов Узбекистана, Туркмении, юга Киргизии, а также две южных области Казахстана.

В Казахстане расширился в северном направлении пояс регионов, где началось растворение контактных зон в пользу коренного населения (т. е. пока с небольшим перевесом коренного населения). В эту категорию вошли почти все области юго-востока республики, а также Актюбинская область на её северо-западе. Лишь на севере Казахстана остался сильно сократившийся массив областей с пока ещё явно преобладающим некоренным населением, где продолжалась стадия роста межэтнической контактности. Ещё две области в северной части Казахстана, а также территории на севере Киргизии приблизились к фазовому переходу, т. е. в них быстро росла доля коренного населения, приближаясь к отметке в 50 %.

Таким образом, уже в познесоветский период, между переписями населения 1970 и 1989 гг., в Казахстане и республиках Средней Азии шёл быстрый рост численности и удельного веса коренного населения. За два межпереписных периода заметно расширился массив регионов, переживающих растворение контактных зон метаэтнического уровня в пользу коренного населения. Если в начале исследуемого периода такие территории охватывали только южную половину макрорегиона, то к 1989 г. они покрывали примерно две трети макрорегиона, за исключением ряда северных областей Казахстана и северной части Киргизии, а также столиц республик.

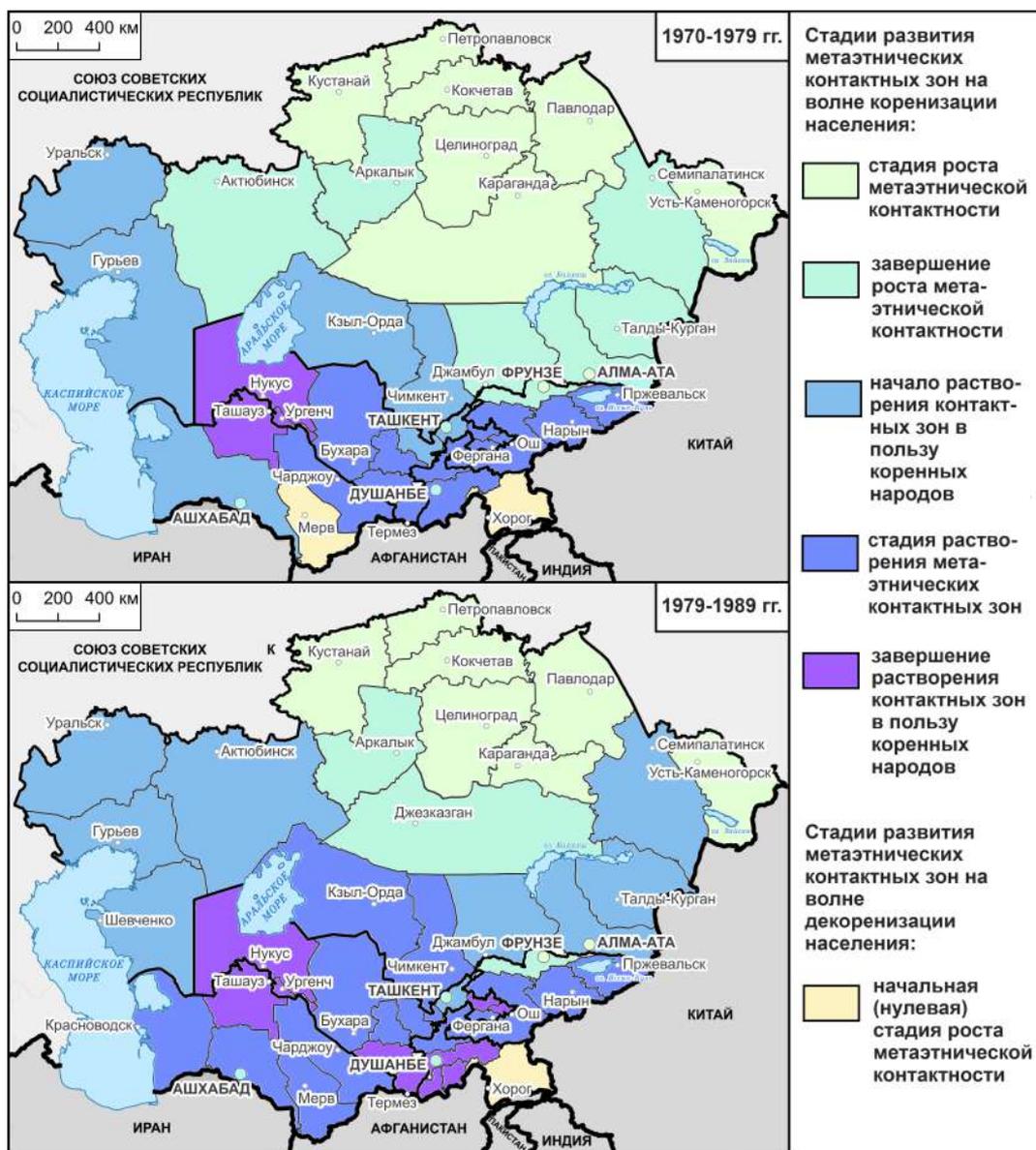

Рис. 5. Классификация административно-территориальных единиц Казахстана и Средней Азии по стадиям развития контактных зон метаэтнического уровня в межпереписные периоды с 1970 по 1979 гг. и с 1979 по 1989 гг. (в границах на начало межпереписного периода)

Fig. 5. Classification of administrative-territorial units of Kazakhstan and Central Asia according to the stages of development of contact zones at the meta-ethnic level in the intercensus periods from 1970 to 1979 and from 1979 to 1989 (within the boundaries at the beginning of the intercensus period)

Выводы. В исследовании, на основе величины модифицированного индекса метаэтнической неоднородности, рассчитанного по двум метаэтническим группам (коренное и некоренное население) по итогам переписей населения 1970, 1979 и 1989 гг., на территории Казахстана и республик Средней Азии были выделены четыре категории регионов: гомогенные в метаэтническом плане с доминированием коренного населения (к 1989 г. это были Каракалпакия, север Туркмении, восток Узбекистана и большая часть Таджикистана); неярко и ярко выраженные контактные зоны (на юге макрорегиона с перевесом коренного населения, на севере — с перевесом некоренного населения); наиболее ярко выраженные контактные зоны (пояс областей, протянувшийся по средней части макрорегиона и разделяющий контрастные в метаэтническом плане северную и южную его части).

В оба межпереписных периода, т. е. с 1970 по 1979 гг. и с 1979 по 1989 гг., численность коренного населения Казахстана и республик Средней Азии росла быстрее, чем общая численность населения макрорегиона, и притом доля коренного населения увеличилась в подавляющем большинстве регионов. На основании динамики доли коренного населения и изменения величины модифицированного индекса метаэтнической неоднородности было выделено две фазы развития контактных зон метаэтнического уровня («роста контактности» при увеличении индекса и «растворения контактных зон» при падении индекса), каждая из которых была разделена на три стадии («начальная», основная стадия «роста контактности»/«растворения контактной зоны» и «завершающая»).

В период с 1970 по 1979 гг. в южной части макрорегиона преобладало растворение контактных зон метаэтнического уровня в пользу коренного населения, а в северной части наблюдался рост метаэтнической контактности опять же за счёт увеличения доли коренных народов, при этом несколько регионов находилось в завершающей стадии этой фазы. С 1979 по 1989 гг. на юго-востоке макрорегиона обозначился крупный массив гомогенных в метаэтническом плане территорий, а в средней части появились новые регионы, перешедшие к растворению контактных зон в пользу коренного населения. К 1989 г. осталось лишь несколько областей на севере Казахстана, где сохранялся перевес в пользу некоренного населения, но и здесь его доля имела явную тенденцию к снижению.

Литература

1. *Алексеев А. Н., Аубакирова Ж. С.* Население Казахстана в 50–80-е годы XX века: демографический взрыв и особенности этносоциальных эволюций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 8. С. 127–142.
2. *Буфетова А. Н., Коломак Е. А.* Национальная неоднородность в регионах России // ЭКО. 2017. № 4 (514). С. 110–123.
3. *Буфетова А. Н., Коломак Е. А., Хржановская А. А.* Национальное и религиозное разнообразие регионов Сибири // ЭКО. 2018. № 5 (527). С. 28–44.
4. *Горохов С. А.* География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 235 с.
5. *Игнатьева Л. Н.* Влияние миграции на этнодемографическую ситуацию в Казахстане в 30–90-е гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 5 (115). С. 85–90. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-12](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-12).

6. *Кроток Р. Н., Теренина Н. К.* Динамика контактных зон христианского и нехристианского населения России в XVIII — начале XX вв.: картографический анализ // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 3. С. 34–44.
7. *Кушубеков А. Т.* Основные тенденции в трансформации этнической структуры населения регионов Кыргызстана в советский и постсоветский периоды // Наука и новые технологии. 2008. № 7–8. С. 75–78.
8. *Манаков А. Г.* Выделение основных элементов территориальной структуры этнокультурного пространства Азиатской России конца XIX столетия // Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле. 2023. Т. 45. С. 68–79. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.45.68>.
9. *Манаков А. Г., Андреев А. А., Иванов И. А., Павлова К. В.* Картографирование этнической динамики по регионам России в межпереписные периоды с 1897 по 1959 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 4. С. 70–81.
10. *Манаков А. Г., Изотов Д. Д., Хайдаров Н. Ф., Манаенков М. В.* Особенности динамики этнического разнообразия регионов России по десятилетиям между переписями 1959 и 1989 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 3. С. 21–33.
11. *Манаков А. Г., Хохрин А. Г.* Трансформация этнического пространства Казахстана и Средней Азии между переписями населения 1970 и 1989 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2 (42). С. 55–70.
12. *Молдагазинова Ж. М.* Формирование полиэтнического состава населения Восточного Казахстана и его влияние на языковую динамику в регионе в 1920–1990-е гг. // Востоковедные исследования на Алтае. 2016. № 10. С. 41–45.
13. *Рагимова П. Ф.* Русское национальное меньшинство в системе национальной политики Республики Узбекистан // Клио. 2022. № 7 (187). С. 44–47. https://doi.org/10.51676/2070-9773_2022_07_44
14. *Субботина И. А.* Русские в Казахстане: миграционная ситуация накануне и после распада СССР // Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997. С. 154–175.
15. *Суций С. Я.* Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11137>.
16. *Суций С. Я., Дружинин А. Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.
17. *Тенчиков А. А.* Казахстан: индекс этнической мозаичности // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 43–4. С. 8–10. <https://doi.org/10.18411/lj-10-2018-73>.
18. *Тенчиков А. А.* Этноконфликтотенный потенциал территории: особенности и проблемы оценки на примере Республики Казахстан // Региональные геосистемы. 2023. Т. 47. № 1. С. 23–33. <https://doi.org/10.52575/2712-7443-2023-47-1-23-33>.
19. *Теренина Н. К.* Фазы развития этноконтактных зон: от зарождения до растворения // Исторический подход в географии и геоэкологии. Материалы VII Международной научно-образовательной конференции по исторической географии / отв. ред. Л. Б. Вампилова. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2023. С. 741–744.
20. *Теренина Н. К., Владыкин Б. А.* Развитие зон контакта с основными народами Урало-Поволжья на протяжении XIX века // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19. № 3. С. 90–107. <https://doi.org/10.37490/S221979310027007-0>.
21. *Теренина Н. К., Кроток Р. Н.* Использование индекса религиозной контактности в изучении пространственно-временной динамики конфессионального пространства Российской империи // Религиоведение. 2024. № 1. С. 120–130. https://doi.org/10.22250/20728662_2024_1_120.
22. *Федорко В. Н., Янчук С. Л., Курбанов Ш. Б.* Современная этническая география Узбекистана // Географический вестник. 2020. № 4 (55). С. 63–80. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2020-4-63-80>.
23. *Цыряпкина Ю. Н.* Русские в Республике Узбекистан: демография, идентичность и социальная динамика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 4. С. 178–191. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.14>.

24. Этнокультурная трансформация постсоветского пространства: факторы, тренды, перспективы / под ред. А. Г. Манакова. Псков: Псковский государственный университет, 2022. 344 с.
25. Churchill S. A. Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata // *Economic Issues*. 2019. Vol. 24. Part 1. P. 21–34.
26. Davis S., Sabol S. The importance of being ethnic: minorities in post-Soviet states — The case of Russians in Kazakstan // Focus on Kazakstan: history, ethnicity and society / Crowe D., Junusova Zh., Sabol S. (eds.). N. Y.: Nationalities papers. 1998. Vol. 26. No. 3. P. 473–491.
27. Fedorko V. Change in the ethnic structure of population and settlement of the main ethnos in the Republic of Uzbekistan in the Post-Soviet period // *Herald of the Geographical society of the Republic of Srpska*. 2021. Vol. 25. P. 93–107.
28. Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1077–1100.
29. Ivanov I. A., Manakov A. G., Terenina N. K. Spatial Aspects of Development of the Ethno-Contact Zone in Karelia // *Arctic and North*. 2024. No. 55. P. 116–129. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.116>.
30. Manakov A. G. Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017 // *Regional Research of Russia*. 2020. No. 10. P. 574–582. <https://doi.org/10.1134/S2079970520040176>.

References

1. Alekseenko A. N., Aubakirova Zh. S. (2017), Population of Kazakhstan in the 50–80s of the twentieth century: demographic explosion and features of ethnosocial evolutions, *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology*, vol. 16, no. 8, pp. 127–142. (In Russ.).
2. Bufetova A. N., Kolomak E. A. (2017), National heterogeneity in the regions of Russia, *EKO*, no. 4 (514), pp. 110–123. (In Russ.).
3. Bufetova A. N., Kolomak E. A., Khrzhanovskaya A. A. (2018), National and religious diversity of regions of Siberia, *EKO*, no. 5 (527), pp. 28–44. (In Russ.).
4. Gorokhov S. A. (2020), *Geography of Religions: Development Cycles of the Global Religious Landscape*, Moscow, UNITY-DANA, 235 p. (In Russ.).
5. Ignatieva L. N. (2020), The influence of migration on the ethno-demographic situation in Kazakhstan in the 30–90s 20 century, *News of Altai State University*, no. 5 (115), pp. 85–90. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-12](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-12).
6. Krotok R. N., Terenina N. K. (2023), Dynamics of contact zones of the Christian and non-Christian population of Russia in the 18th — early 20th centuries: cartographic analysis, *Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”*, vol. 16, no. 3, pp. 34–44. (In Russ.).
7. Kushubekov A. T. (2008), Main trends in the transformation of the ethnic structure of the population of the regions of Kyrgyzstan in the Soviet and post-Soviet periods, *Science and new technologies*, no. 7–8, pp. 75–78. (In Russ.).
8. Manakov A. G. (2023), Selecting the Main Elements of the Territorial Structure of the Ethnocultural Space of Asian Russia at the end of the 19th Century, *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*, vol. 45, pp. 68–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.45.68>.
9. Manakov A. G., Andreev A. A., Ivanov I. A., Pavlova K. V. (2023), Mapping ethnic dynamics by regions of Russia during inter-census periods from 1897 to 1959, *Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”*, vol. 16, no. 4, pp. 70–81. (In Russ.).
10. Manakov A. G., Izotov D. D., Khaidarov N. F., Manaenkov M. V. (2023), Features of the dynamics of ethnic diversity of Russian regions by decades between the censuses of 1959 and 1989, *Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”*, vol. 16, no. 3, pp. 21–33. (In Russ.).
11. Manakov A. G., Khokhrin A. G. (2020), Transformation of the ethnic space of Kazakhstan and Central Asia between the population censuses of 1970 and 1989, *Pskov Journal of Regional Studies*, no. 2 (42), pp. 55–70. (In Russ.).
12. Moldagazinova Zh. M. (2016), Formation of the multiethnic composition of the population of Eastern Kazakhstan and its influence on linguistic dynamics in the region in the 1920–1990s, *Oriental studies in Altai*, no. 10, pp. 41–45. (In Russ.).

13. Ragimova P. F. (2022), Russian national minority in the system of national policy of the Republic of Uzbekistan, *Clio*, no. 7 (187), pp. 44–47. (In Russ.). https://doi.org/10.51676/2070-9773_2022_07_44.
14. Subbotina I. A. (1997), Russians in Kazakhstan: migration situation on the eve and after the collapse of the USSR, *Russians in the new abroad. Migration situation, resettlement and adaptation in Russia*, Moscow, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS, pp. 154–175. (In Russ.).
15. Sushhij S. Ya. (2020), Russian population of the neighboring countries: geodemographic dynamics of the post-Soviet period, *Demographic Review*, vol. 7, no. 2, pp. 6–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11137>.
16. Sushhij S. Ya., Druzhinin A. G. (1994), *Essays on the geography of Russian culture*, Rostov-on-Don, 576 p. (In Russ.).
17. Tenchikov A. A. (2018), Kazakhstan: index of ethnic mosaic, *Trends in the development of science and education*, no. 43–4, pp. 8–10. (In Russ.). <https://doi.org/10.18411/lj-10-2018-73>.
18. Tenchikov A. A. (2023), Ethno-conflict potential of the territory: features and problems of assessment using the example of the Republic of Kazakhstan, *Regional Geosystems*, vol. 47, no. 1, pp. 23–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2712-7443-2023-47-1-23-33>.
19. Terenina N. K. (2023), Phases of development of ethnocontact zones: from origin to dissolution, *Historical approach to geography and geoecology. Materials of the 7th International Scientific and Educational Conference on Historical Geography*, L. B. Vampilova (ed.), Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, pp. 741–744. (In Russ.).
20. Terenina N. K., Vladykin B. A. (2023), Development of zones of contact with the indigenous peoples of the Ural-Volga region during the 19th century, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 19, no. 3, pp. 90–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.37490/S221979310027007-0>.
21. Terenina N. K., Krotok R. N. (2024), Using the index of religious contact in the study of the spatio-temporal dynamics of the confessional space of the Russian Empire, *Religious Studies*, no. 1, pp. 120–130. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/20728662_2024_1_120.
22. Fedorko V. N., Yanchuk S. L., Kurbanov Sh. B. (2020), Modern ethnic geography of Uzbekistan, *Geographical Bulletin*, no. 4 (55), pp. 63–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2020-4-63-80>.
23. Tsyryapkina Yu. N. (2023), Russians in the Republic of Uzbekistan: demography, identity and social dynamics, *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships*, vol. 28, no. 4, pp. 178–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.14>.
24. *Ethnocultural transformation of the post-Soviet space: factors, trends, prospects* (2022), A. G. Manakov (ed.), Pskov, Pskov State University, 344 p. (In Russ.).
25. Churchill S. A. (2019), Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata, *Economic Issues*, vol. 24, part 1, pp. 21–34.
26. Davis S., Sabol S. (1998), The importance of being ethnic: minorities in post-Soviet states — The case of Russians in Kazakstan, *Focus on Kazakstan: history, ethnicity and society*, Crowe D., Junusova Zh., Sabol S. (eds.), N. Y., Nationalities papers, vol. 26, no. 3, pp. 473–491.
27. Fedorko V. (2021), Change in the ethnic structure of population and settlement of the main ethnoses in the Republic of Uzbekistan in the Post-Soviet period, *Herald of the Geographical society of the Republic of Srpska*, vol. 25, pp. 93–107.
28. Fierman W. (2012), Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus, *Europe-Asia Studies*, vol. 64, no. 6, pp. 1077–1100.
29. Ivanov I. A., Manakov A. G., Terenina N. K. (2024), Spatial Aspects of Development of the Ethno-Contact Zone in Karelia, *Arctic and North*, no. 55, pp. 116–129. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.116>.
30. Manakov A. G. (2020), Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macrorregion from 1897 to 2017, *Regional Research of Russia*, no. 10 (4), pp. 574–582. <https://doi.org/10.1134/S2079970520040176>.

Сведения об авторе

Николаева Евдокия Дмитриевна — младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, Псковский государственный университет, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: evdokiyageo@yandex.ru

ORCID: 0009-0006-9788-9994

About the author

Evdokia Nikolaeva, Junior Researcher, Research Laboratory for Cross-Regional and Transborder Studies, PhD student of the Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: evdokiyageo@yandex.ru

ORCID: 0009-0006-9788-9994

Поступила в редакцию 16.07.2024 г.

Поступила после доработки 18.08.2024 г.

Статья принята к публикации 10.09.2024 г.

Received 16.07.2024.

Received in revised form 18.08.2024.

Accepted 10.09.2024.